

В.В. ЩЕПКИН

Северный ветер

Россия и айны
в Японии XVIII века

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

日本文化研究新シリーズ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Книга четвертая

日本文化研究新シリーズ

Серия основана в 2014 году при поддержке
Фонда изучения японской культуры имени Уэда Ёсими
(梅田善美日本文化研究基金)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

В.В. ЩЕПКИН

Северный ветер

Россия и айны
в Японии XVIII века

Москва
КРУГЪ
2017

УДК 821.161.1(093.3)(092)
ББК 83.3(2Рос=Рус)60-8
Щ58

Ответственный редактор
доктор политических наук, профессор
В. Э. Молодяков

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор
А. Н. Мещеряков,
доктор исторических наук, профессор
Е. К. Симонова-Гудзенко

Щепкин, Василий Владимирович.

Щ58 **Северный ветер** : Россия и айны в Японии XVIII в. / Новые исследования по японской культуре. Кн. 4 – М. : Кругъ. 2017. – 392 с., ил. – ISBN 978-5-7396-0???-?

Монография посвящена изучению истории распространения сведений о России в Японии XVIII в. и их влияния на широкий круг вопросов: осознание положения Японии в мире, изучение мировой географии и соседних народов, идеи об освоении северных земель, внешнюю политику японского правительства. Также осуществлена попытка пересмотреть роль айнов в истории ранних российско-японских отношений.

УДК 821.161.1(093.3)(092).
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8

О г л а в л е н и е

От автора	9
Введение.....	110
<i>Глава первая. Япония и внешний мир</i>	
в XVII–XVIII вв.....	21
1.1. Формирование и особенности внешней политики военного правительства Токугава	23
1.2. Япония и земли айнов в XVII–XVIII вв.....	52
1.2.1. Княжество Мацумаэ и айны	53
1.2.2. Идеи об освоении земель айнов в первой половине XVIII вв.	61
<i>Глава вторая. Проникновение сведений о России</i>	
в Японию	71
2.1. Первые сведения о России в Японии	71
2.2. Экспедиция М. Шпанберга 1739 г.	79
2.3. Письма Морица Бенёвского (1771 г.)	85
2.4. Экспедиция Антипина и Шабалина 1778–1779 гг.	106
2.5. Мацумаэ Хиронага и его «Описание Мацумаэ»	130
<i>Глава третья. Центральное правительство Японии</i>	
и земли айнов в 1780-х гг.....	134
3.1. Кудо Хэйсукэ и его сочинение «Изучение сведений о Камчатке»	134

3.2. Первая японская правительственная экспедиция в земли айнов (1785–1786 гг.)	152
3.2.1. Состав, задачи и ход экспедиции	154
3.2.2. Результаты экспедиции	161
3.3. Восстание айнов 1789 г. и реакция Мацудайра Саданобу	166
3.3.1. Восстание айнов Кунашира и Мэнаси в 1789 г.	167
3.3.2. Реакция правительства Японии на восстание айнов 1789 г.	175
<i>Глава четвертая. Хаяси Сихэй и его сочинения</i>	186
4.1. Хаяси Сихэй и его поездки в Нагасаки	186
4.2. «Сангоку цуран дзусэцу»: взгляды Хаяси Сихэй на Россию и земли айнов.	202
4.3. «Кайкоку хэйдан» и теория морского государства.	220
4.3.1. История создания и содержание трактата	220
4.3.2. Осознание Японии как морского государства	233
4.3.3. Дискуссия о морской обороне.	237
4.4. Наказание и смерть Хаяси Сихэй	245
Заключение	162
Приложение 1	
Сведения о России в голландских «Записках об услышанном» (оранда фусэцугаки) за 1705–1792 гг.	254
Приложение 2	
<i>Кудо Хэйсукэ. Изучение сведений о Камчатке.</i>	262
Приложение 3	
<i>Хаяси Сихэй. Общий обзор трёх стран с приложением карт.</i>	297

Приложение 4

<i>Хаяси Сихэй</i> . Беседы о военном деле морского государства. Предисловие.....	343
Словарь терминов	354
Указатель имен	361
Указатель названий сочинений.....	369
Список использованных источников и литературы.....	372
Contents	389
Summary.....	391

От автора

Выход книги, тем более первой, дает автору приятную возможность поблагодарить всех, кто содействовал ее написанию и изданию.

Данная работа не оказалась бы возможной без постоянной помощи и поддержки моего научного руководителя в годы обучения в аспирантуре В.Ю. Климова, а также моих коллег — сотрудников отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН. Отдельную благодарность хочется выразить Японскому фонду (国際交流基金) за возможность в течение года работать с архивными материалами в Университете Хоккайдо (г. Саппоро), а также научным консультантам во время моего пребывания в Японии — проф. Сасаки Тосикадзу (佐々木利和), доц. Танимото Акихиса (谷本晃久) и другим сотрудникам Центра исследований айнов и коренных народов.

Выражаю глубокую признательность Умэда Сэцую (梅田節子) и Фонду изучения японской культуры имени Умэда Ёсими (梅田善美日本文化研究基金) за поддержку издания, ответственному редактору серии доктору политических наук В.Э. Молодякову, редактору книги Ю.И. Глебову и художнику Д.В. Логинову.

В в е д е н и е

Интерес к истории российско-японских отношений возник в России еще в XIX в. Первая статья о посольстве Адама Лаксмана в Японию увидела свет в 1805 г. Основанная непосредственно на документах и материалах экспедиции, она однако являлась скорее следствием интереса современников к еще только происходящим событиям – корабли с посольством Н.П. Резанова на борту как раз стояли в порту Нагасаки, – нежели актом исследовательской работы¹. Собственноручные записки и описания путешествий Н.П. Резанова, Г.И. Давыдова, В.М. Головнина, П.И. Рикорда хотя и содержат упоминания о делах предшественников, но сами, безусловно, относятся к разряду источников, а не научных работ. Несколько публикаций, посвященных ранним контактам русских и японцев, оставил после себя историограф русского военно-морского флота В.Н. Берх (1781–1834), работавший над «Историей географических открытий россиян»². Серия значимых статей по

¹ Известие о первом российском посольстве в Японию под начальством поручика Адама Лаксмана. М., 1805.

² *Берх В.Н.* Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. Ч. 3. СПб., 1834. С. 14–18; *Берх В.Н.* Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским. Гл. III. О следовании галиота С. Петра из Курильской

той же теме принадлежит перу А.С. Сгибнева (1826–1881), который в 1860-х гг. трудился над историей Камчатки и Охотского порта³. Обстоятельнейший очерк истории продвижения русских по Курильским островам и первым контактам их с японцами, основанный на материалах сибирских архивов, многие из которых впоследствии погибли при пожаре в Иркутске в 1879 г., помещен в труде А.С. Полонского «Курилы»⁴. Однако все эти ранние работы, при их бесспорной значимости для историков и по сей день, имеют один общий недостаток – они основаны исключительно на российских источниках. Отсутствие научного японоведения в России XIX в. делало практически невозможным привлечение японских источников для задач изучения истории отношений двух стран.

Ситуация значительно переменялась лишь после Русско-японской войны, когда необходимость изучения

бухты к японским берегам и о бытии в Японской избе и что тамо учинено, даже до отбытия в море // Северный архив (СПб.), 1822, № 5. С. 386–394; *Берх В.Н.* Путешествие поручика Адама Лаксмана в Японию (Отрывок из «Истории географических открытий россиян», составляемой В.Н. Берхом) // Северный архив (СПб.), 1822. Ч. 1, № 3. С. 245–273; *Берх В.Н.* Сношения русских с Японией, или образцы японской дипломатики // Северный архив (СПб.), 1826, № 14–15. С. 212–222. «История географических открытий россиян» так и не была окончена в связи с ранней кончиной автора.

³ *Сгибнев А.* Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII и начале XIX столетий // Морской сборник, 1869, № 1. С. 37–72; *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник, 1869, № 4. С. 65–142; № 5. С. 53–84; № 6. С. 37–70; № 7. С. 1–130; № 8. С. 33–110; *Сгибнев А.* Охотский порт // Морской сборник, 1869, № 11. С. 1–92; *Сгибнев А.* Большой Камчатский наряд // Морской сборник, 1868, № 12. С. 131–139; *Сгибнев А.* Об обучении в России японскому языку // Морской сборник, 1868, № 12. С. 55–61.

⁴ *Полонский А.С.* Курилы // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 4. СПб., 1871. С. 367–576.

Японии и истории отношений с ней была осознана российским востоковедным миром. В 1909 г. увидел свет фундаментальный труд Д.М. Позднеева «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России»⁵, представляющий собой собрание комментированных переводов на русский язык значительного числа японских источников по теме. В предисловии ко второй части второго тома этой работы автор говорил, что «перевод относящихся к переговорам японских документов имеет для нас именно то значение, что он открывает другую сторону дела и дает нам возможность из сопоставления русских и японских источников получить полную картину имевших место событий и совещаний»⁶. При этом, говоря о своем труде, Д.М. Позднеев отмечал: «Попытка эта названа “Материалами по вопросу”, так как время для составления труда, достойного названия “История вопроса” еще не пришло. Нужно много работников и много лет совместного труда целой группы лиц, раньше чем для будущего историка данного вопроса будет подготовлено достаточное количество материалов, из которых можно будет построить грандиозное, соответствующее величине затронутого предмета здание истории»⁷.

Однако завет основоположника в свое время услышан не был, и большинство работ советского периода по истории российско-японских отношений, при всей

⁵ Позднеев Д.М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. В 2 т. Т. 1. Данные географические и этнографические. Иокохама, 1909. Т. 2. Ч. 1. Отношения к народам Маньчжурии и данные по истории Мацумаэского клана. Токио, 1909. Т. 2. Ч. 2. Первые сношения России с Японией. Ч. 3. Отражения первых сношений с Россией в жизни Северной Японии. Иокохама, 1909.

⁶ Там же. Т. 2. Ч. 2. С. II.

⁷ Там же. Т. 1. С. II–III.

их огромной значимости в деле сведения воедино данных российских архивных материалов и обстоятельного изложения на их основе истории отношений двух стран, учитывают сведения японских источников лишь в отдельных случаях, ссылаясь при этом на интерпретации японских историков⁸. Немного в этом отношении продвинулись по сравнению с ними и работы постсоветского периода, которые однако учитывают некоторые достижения японских ученых последних десятилетий и открывают ранее неизвестные страницы российско-японских контактов⁹.

В то же время в последние годы наметился рост интереса российских и зарубежных исследователей к проблеме формирования взаимных образов России и Японии. В 1996 г. увидела свет монография В.Э. Молодякова, впервые поставившая данную проблему в России¹⁰. Тема получила развитие и в последующих работах ученого¹¹. Влиянию образа Японии на практическую политику России на рубеже XIX–XX вв. посвящена книга канадского историка Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе¹². Историю накопления сведений о Японии в России XVII–XVIII вв. прослеживает в своей работе

⁸ К таковым относятся, в частности, работы: *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960; *Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. М., 1988.

⁹ См., напр., *Черевко К.Е.* Зарождение русско-японских отношений, XVII–XIX вв. М., 1999.

¹⁰ *Молодяков В.Э.* Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX веков. М., 1996.

¹¹ *Куланов А., Молодяков В.* Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007; *Молодяков В.* Россия и Япония в поисках согласия. 1905–1945. Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М., 2012.

¹² *Схиммельпеннинк ван дер Ойе, Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.

Л.М. Ермакова¹³. Попытка рассмотреть отношения между Россией и Японией во 2-й пол. XX – начале XXI вв. с точки зрения национальной идентичности Японии и места в ней России предпринята в работе А. Буха¹⁴. Отдельные аспекты проблемы взаимных образов России и Японии поднимаются также в недавно вышедшем сборнике статей под ред. Ю.Д. Михайловой¹⁵.

Предлагаемая вниманию читателей работа, обращаясь в первую очередь к японским источникам, призвана, с одной стороны, частично восполнить пробел, имеющийся в фундаментальных работах по истории российско-японских отношений, с другой – внести свой вклад в изучение раннего этапа формирования образа России в Японии, которому в вышеуказанных работах по понятным причинам уделено меньше внимания, чем веку двадцатому.

Работа эта начиналась с изучения наследия яркого мыслителя конца XVIII в. Хаяси Сихэй, который одним из первых в Японии высказал мысль об опасности со стороны России¹⁶. Знакомство с трудами Хаяси, поиск его идейных вдохновителей вызвали необходимость проследить, с одной стороны, процесс накопления знаний о России в Японии XVIII в., с другой – попадание в орбиту внимания японского государства северных земель, населенных айнами. Мы смогли увидеть, что

¹³ *Ермакова Л.М.* Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. М., 2005.

¹⁴ *Буха А.* Япония: внешняя политика и национальная идентичность. Россия как Другое Японии. М., 2012.

¹⁵ Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Сб. ст. под ред. Ю.Д. Михайловой. СПб., 2014.

¹⁶ *Щепкин В.В.* Трактат Хаяси Сихэй «Кайкоку хэйдан» как памятник военно-политической мысли Японии эпохи Эдо (1603–1867). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб., 2011.

некоторое время оба этих процесса шли параллельно, и именно их тесное сплетение на рубеже 1770-х и 1780-х гг. заставило, наконец, центральное правительство Японии обратить внимание на северные пределы своего государства и предпринять активные меры в обоих направлениях.

Такие люди, как Хаяси Сихэй, с одной стороны с восхищением смотрели на российскую императрицу Екатерину II, говоря о ее намерении объединить под своей властью все пять континентов как о достойном великого и храброго человека и уподобляя ее благодеяния ветру, приминающему траву. Эта отсылка на известное высказывание Конфуция¹⁷ показывает, в каких категориях мыслили ученые люди Японии того времени. В то же время, как только этот «ветер» благодеяний российской императрицы достигал северных пределов Японии, он превращался в объект беспощадной критики или, по крайней мере, внушал опасения за будущее если не самой Японии, то ее северных пределов. Этот внутренний конфликт японских интеллектуалов конца XVIII в. явился отражением тех фундаментальных изменений, которые влекло за собой появление у японских границ такого государства, как Россия, и которые смогли почувствовать эти люди. Поэтому «северный ветер» кажется нам очень удачной метафорой, передающей суть происходивших в то время вокруг Японии событий и отношения к ним жителей страны.

Цель работы, таким образом, состоит в том, чтобы восстановить ход накопления знаний о России в Япо-

¹⁷ «Благие способности совершенного мужа подобны ветру, тогда как благие способности маленьких людей подобны траве, а трава склоняется, когда дует ветер» («Лунь юй», 12–19). Цит. по: *Мартынов А.С.* Конфуцианство. «Лунь юй». Перевод А.С. Мартынова. СПб., 2001. Т. 2. С. 293.

нии и понять, какое влияние оказало продвижение России по Курильским островам и ее приближение к границам Японии на широкий круг «внутриапонских» вопросов: осознание положения Японии в мире, изучение мировой географии и соседних народов, идеи об освоении северных земель, и, наконец, на внешнюю политику японского правительства. Именно поэтому мы намеренно ограничиваем себя источниками японскими, обращаясь к российским документам лишь там, где того требует изложение малоизученных до сих пор вопросов.

Ключевое значение для раннего этапа истории российско-японских отношений имела миссия Адама Лаксмана, который посетил Японию в 1792–1793 гг. и вернулся на родину японских моряков, занесенных волнами в Россию за несколько лет до того. Для России это событие обозначило начало попыток к установлению дипломатических отношений со своим восточным соседом. Но гораздо бóльшую роль сыграло оно в жизни Японии: с этого времени связанные с Россией дела перешли в ведение центрального правительства страны – *бакуфу*, а вернувшиеся на родину японские моряки стали ценным источником обширных и достоверных знаний о северном соседе. «Российский фактор» около трех десятилетий продолжал находиться на повестке дня японских властей, значительно повлияв на их внешнеполитическое сознание. Однако влияние этого фактора – пусть в большей степени подвержены ему были далекие от власти ученые – началось задолго до 1792 г.

Данная работа задумывается как двухэтапное исследование. Первая его часть, представляемая здесь, посвящена, как уже заявлялось, выяснению того, какие сведения о России были доступны японцам на протяжении XVIII в. и какое влияние они оказывали на

государственные дела и взгляды ученых до 1792 г. Во второй части, работа над которой только начинается, предполагается рассмотреть те коренные изменения, которые претерпела внешняя политика *бакуфу* в конце XVIII и начале XIX вв. в результате приближения России к японским границам.

Сквозь отечественные работы по истории российско-японских отношений красной нитью проходит тезис о том, что все попытки русских к установлению отношений с японцами наталкивались на политику самоизоляции восточного соседа¹⁸. Однако исследования японских и западных историков последних десятилетий вынуждают нас пересмотреть сам факт существования «политики самоизоляции» как осознанного внешнеполитического курса до визита первых российских посольств. Таким образом, мы столкнулись с необходимостью предварить основную часть работы главой, посвященной истории формирования внешней политики Японии в первой половине XVII в. Без учета этого вопроса невозможно рассмотрение любых дальнейших действий японского правительства в сфере отношений с другими государствами. Кроме того, сложившаяся к середине XVII в. система внешних отношений оказывала влияние и на осознание японцами своего положения в мире, что также имеет ключевое значение для данной работы.

Говоря об истории российско-японских отношений, прежде всего об их самом раннем периоде, необходимо иметь в виду, что она носила многосубъектный характер. Помимо собственно двух государств – России и Японии – в лице соответственно российского императорского двора и *бакуфу* важными участниками

¹⁸ *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960. С. 32.

этих отношений, чьи мотивы и действия (как и само их существование) мы не можем не учитывать, были также:

1) айны, проживавшие на землях, которые стали контактной зоной для России и Японии;

2) японское княжество Мацумаэ, которое отвечало за торговые отношения с айнами и при этом обладало определенным уровнем политической самостоятельности;

3) российские купцы, в чьи руки с середины XVIII в. перешла инициатива по установлению торговли с японцами и айнами;

4) японские купцы, которым вассалы княжества Мацумаэ с начала XVIII в. стали передавать на откуп торговые участки.

Кроме того, история ранних российско-японских отношений не уместается в одну лишь череду личных встреч между представителями двух стран. Так, освоение Россией северо-восточного побережья Евразии, северо-западного побережья Северной Америки и прилегающих к ним островов происходило на фоне повышенного внимания к северной части Тихого океана со стороны других морских держав – Великобритании, Франции, а позже и США. Движущей силой этого процесса был поиск новых районов промысла пушного зверя, пользовавшегося большим спросом в торговых отношениях с Китаем. Необходимость удержать за Россией вновь приобретенные территории создавала проблему их продовольственного обеспечения. Установление торговых отношений с Японией позволило бы с одной стороны решить эту проблему, с другой – получить новый рынок сбыта пушнины. Однако понимание этого пришло к русским первопроходцам не сразу.

С 1711 г. началось постепенное продвижение русских казаков и промышленников по гряде Курильских островов. Они облагали курильских айнов ясаком, недовольные айны скрывались от необходимости платить на дальних островах, русские, стремясь вернуть их в подданство, шли за ними все дальше на юг. Хотя вся цепь Курильских островов была нанесена на карту еще в ходе экспедиции М. Шпанберга в 1738–1739 гг., непосредственное знакомство с островами и их населением продолжалось еще несколько десятилетий. Одновременно от курильских айнов русские получали первые сведения о японцах и торговле с ними. Согласно материалам первых экспедиций, двигаясь на юг, первопроходцы видели одной из своих основных задач установить тот предел, до которого распространяется японское влияние, то есть где живут подвластные японцам племена.

Однако до каких пределов распространялось японское влияние к северу от о. Хонсю, судя по всему, не было известно и самим японцам. В XVII–XIX вв. в южной оконечности о. Хоккайдо находилось японское княжество Мацумаэ. В отличие от большинства других князей Японии того времени, князя Мацумаэ получали от главы военного правительства страны – *сёгуна* – не земли, а право на ведение торговых отношений с айнами. В то время японцы называли айнов словом «эдзо». Поэтому и территории к северу от княжества Мацумаэ назывались японцами «землями эдзо»¹⁹. С айнами южной половины о. Хоккайдо торговля велась активно уже с XVII в. – их японцы называли «ближними эдзо». В земли «дальних эдзо» японские торговцы

¹⁹ В тексте работы «земли эдзо» будут называться «землями айнов». Исключение составят названия исторических источников. Под «островом Эдзо» будет иметься в виду остров Хоккайдо.

стали проникать лишь в первой половине XVIII в. Северная граница этих «земель эдзо», разумеется, установлена не была.

Таким образом, в XVIII в. русские и японцы, каждый со своей стороны, стали проникать в регион, основное население которого составляли айны. В течение всего XVIII в. айны были важным субъектом российско-японских отношений, выступая в роли сначала информантов, затем – проводников и переводчиков, пока, наконец, в 1792 г. не состоялась первая встреча официальных представителей правительств двух стран без посредничества айнов. Сегодня одной из задач, стоящих перед исследователями истории российско-японских отношений, является переоценка той роли, которую играли в их становлении айны. Во второй и третьей главах данной работы предпринята попытка осветить некоторые связанные с решением этой задачи вопросы. Во второй главе также осуществлен обзор и анализ сведений о России, проникавших в Японию на протяжении XVIII в. В третьей – прослежено появление «российского вопроса» на повестке дня центрального правительства Японии. Четвертая глава работы посвящена идейному наследию Хаяси Сихэй – ученого, в чьих трудах, на наш взгляд, нашел отражение широкий спектр вопросов, внимание к которым вызвало приближение России к японским границам.

Wind from the North
Russia and Ainu in 18th century Japan

C o n t e n t s

Author's preface

Introduction

Chapter One. Japan and the outer world in 17–18 centuries

1.1. Establishment and characteristics of Tokugawa bakufu's foreign policy

1.2. Japan and the Ainu lands in 17–18 centuries

1.2.1. Matsumae domain and the Ainu

1.2.2. Ideas of the development of the Ainu lands in the first half of 18 century

Chapter Two. Dissemination of information about Russia in Japan

2.1. Early information about Russia in Japan

2.2. Expedition by M. Shpanberg (1739)

2.3. Letters from M. Benyowsky (1771)

2.4. Expedition by Antipin and Shabalin in 1778–1779

2.5. Matsumae Hironaga and his “Description of Matsumae”

Chapter Three. Japan's central government and the Ainu lands in 1780s.

3.1. Kudo Heisuke and his “Study of rumors about Kamchatka”

3.2. First Japanese governmental expedition to the Ainu lands (1785–1786)

3.2.1. Members, tasks and the performance of the expedition

3.2.2. Results of the expedition

3.3. Ainu rebellion of 1789 and the response of Matsudaira Sadanobu

3.3.1. The rebellion of Ainu from Kunashir and Menashi in 1789

3.3.2. The response of Japan's government to the Ainu rebellion

Chapter Four. Hayashi Shihei and his writings

4.1. Hayashi Shihei and his trips to Nagasaki

4.2. "Sangoku tsuran zusetu": Hayashi Shihei's perception of Russia and the Ainu lands

4.3. "Kaikoku heidan" and the theory of maritime nation

4.3.1. Creation and contents of the treatise

4.3.2. Perception of Japan as a maritime nation

4.3.3. Discussion on the coastal defense

4.4. The punishment and the death of Hayashi Shihei

Conclusion

Appendix One

Information about Russia in the Dutch "Notes about rumors" ("Oranda fusetsu gaki") of 1705–1792

Appendix Two

Kudo Heisuke. "Study of rumors about Kamchatka"

Appendix Three

Hayashi Shihei. "The general overview of three countries accompanied by maps"

Appendix Four

Hayashi Shihei. "Conversations about military affairs of the maritime nation". Introduction.

Glossary

Index of names

Index of titles

Bibliography

S u m m a r y

The first half of seventeenth century was the period when Tokugawa central government tried and managed to bring Japan's foreign relations under control after more than a century of disorder. The result was the shogun-centered system of "four gates" realized by the 1640s. In the frames of this system Tsushima and Satsuma domains were responsible for the diplomatic relations with Korea and Ryukyu respectively while reaping the fruits of trade with them. Nagasaki was the only seaport where Chinese and Dutch ships from East and Southeast Asia were allowed to come for trade under the supervision by shogun's governor. Last, Matsumae, the only Japanese domain on the southern tip of present day Hokkaido, was in charge of trade relations with Ainu who lived on the same island, as well as Sakhalin and Kuril Islands, and didn't have their own state. At the same time, these four gates provided the government with the information about the outer world, since the activities of the Portuguese in Southeast Asia and of the Manchus in China remained of great concern by the bakufu in the rest of seventeenth century. Thus, the south can be defined as crucial direction for the Japan's foreign policy and acquisition of information, while the north was considered a desolate direction since the trade with Ainu was of far lesser volume than that in the south and relations with

them was of low significance for the shogun's legitimacy. Matsumae domain have arranged relations between Japanese merchants and Ainu by dividing Ainu lands from Japanese lands on the island and enfeoffing trading posts to its vassals while restricting Ainu from moving off their lands. The knowledge of the Ainu lands was, however, still poor even in Matsumae: Japanese didn't even know how far to the north they last. At the same time, it was from the north that Russians began to enter the Ainu lands in early eighteenth century, and this region have finally become the main contact zone of Russia and Japan.

The information about Russia (under the name of Muscovy) began to flow in Japan from the end of seventeenth century due to the writings by Nishikawa Joken and Arai Hakuseki. Both provided a misty image of Russia describing it as one of the European countries though giving some facts about its cold climate and trade goods. Reports by the Dutch trade factory in Nagasaki that were presented to the bakufu annually from the middle of seventeenth century had hardly completed the picture. Although they mentioned embassies to and from China and some wars of conquest with Kamchatka, this information could convey little to Japanese since "Muscovy" had still been located in Europe and the name of "Kamchatka" was unknown to them.

The Russian expedition to the shores of Japan performed by M. Shpanberg in 1739 was the first time when Russia had come to the attention of Japanese authorities. The bakufu issued an instruction to the coastal domains to arrest all strangers who come ashore and made an inquiry to the Dutch trade factory about the nationality of the ships. When the ships turned out to be Russian, however, Japanese authorities abandoned further inquiry and decided to consider the visit of Russian ships as accidental.

The second call from the north was the warning by M. Benyowsky, a Hungarian officer who struggled with

Russians in Poland and then was captured and sent into exile to Kamchatka, but had managed to seize a vessel and to escape. Benyowsky had sent six letters to the Dutch trade factory in Nagasaki while sailing along Japanese shores. He warned Dutch merchants in one of them that Russians had been building fortress and preparing weapons on one of the Kuril Islands in the previous years to launch an attack on the lands north of Matsumae. Rumors about Benyowsky had spread among intellectuals in Edo through Japanese interpreters of the Dutch. In their writings, Kudo Heisuke and Hayashi Shihei had represented him as a Russian spy who came to measure sea depths near Japan, but said nothing about his warning. What was of greater significance to them is the arrival of unknown foreign vessel to Japan itself. At the same time, Japanese authorities hadn't done anything after getting the warning since such names as "Kamchatka" and "Kuril Islands" mentioned by Benyowsky said nothing to them. The first world map to name Kamchatka just outside Japan was that copied by Hayashi Shihei in 1774, three years after the incident. The situation was that by 1770s Nagasaki as an information gate had become insufficient for Japanese authorities and intellectuals to recognize that a new huge country had come close to their own from the north.

The first Russian expedition to the southern Kuril Islands and Hokkaido in 1778–1779 marked the turning point in early relations between Russia, Japan and Ainu. It was the first time when Russians met with Japanese officials (albeit from Matsumae domain, not from bakufu) and stated their willingness to establish trade relations. As for Japanese, they have for the first time obtained reliable and detailed information about Russia and its activities towards Japan. This information together with rumors about illegal trade between Matsumae and Russians spread as far as Edo and finally pushed bakufu to send an official

expedition to the Ainu lands. From that moment the Ainu lands and Russia's activities there never quitted bakufu's field of view. In this book we tried also to reconsider the role of Ainu in Russia-Japan negotiations by comparing both Russian and Japanese primary sources.

The information about Russians' visit to Hokkaido has first appeared in "Description of Matsumae" written in 1781 by Matsumae Hironaga, a vassal of Matsumae domain. Local officials however decided not to inform bakufu about the incident, fearing that central government would deprive the domain of exclusive rights to trade with Ainu. Who rang the bell was Kudo Heisuke, a physician in service of Sendai domain who lived in Edo and worked as legal advisor as well.

Kudo Heisuke learned about Russians' visit to Hokkaido from a former vassal of Matsumae and decided to identify names "Kamchatka" and "Russia" which were referred by Russians as places of their origin. He sought assistance in the Dutch geographical books and found out that Russia is what Japanese had formerly known as "Muscovy", and this European country had already expanded as far as Kamchatka north to Japan. The map attached to Kudo Heisuke's work outlined the territory occupied by Russia in Eurasia and could showed to Japanese of the time how huge and close to their own country it was. This map can be defined as a turning point in Japanese view of world geography.

Kudo Heisuke had summed up all available information about Russia together with his own thoughts about trade with Russia in his "Study of rumors about Kamchatka". He presented this work to Tanuma Okitsugu, the virtual head of Japanese central government, in 1784. Tanuma decided to send an expedition to the Ainu lands. Main tasks of the expedition were to inspect trade posts; to explore geography, plants, animals, minerals of the Ainu lands; to

examine Matsumae domain's finances and policy toward the Ainu; to check the facts of the visits of foreign vessels and illegal trade. The expedition continued its work for two years, 1785 and 1786, and accomplished all tasks, but the report about the results wasn't accepted by the bakufu since in autumn of 1786 Tanuma was dismissed and replaced by his opponent Matsudaira Sadanobu who was indifferent to all initiatives by Tanuma including the trade with Russians.

However, further developments forced Matsudaira Sadanobu to pay attention to the northern lands. In 1789, an Ainu rebellion rose in the eastern Ainu lands (Kunashir and the southeast tip of Hokkaido). The rebellion was suppressed by Matsumae domain's troops, but central government initiated an investigation to clear up whether Russians incited Ainu to the rebellion. The government's inspection reported that the rebellion was caused by inhuman treatment of Japanese merchants toward the Ainu, and Matsudaira Sadanobu decided to keep out of Ainu-related affairs. However, within less than two years Matsudaira faced again with the problem of relations with Russia: in 1792 Russian vessel arrived to Hokkaido to negotiate about trade with Japanese. And few months earlier he had convicted Hayashi Shihei who in his writings insistently warned of Russian threat.

Hayashi Shihei was one of the first intellectuals of new type, who preferred acquiring of knowledge from the real world to the reading and interpretation of the ancient Chinese and Japanese texts. Concern about Russia's approaching to the Japanese shores and the future of northern bounds of Japan had a significant impact on Hayashi Shihei's works. In this book we consider in detail his two works, "The general overview of three countries accompanied by maps" and "Conversations about military affairs of the maritime nation".

Василий Владимирович Щепкин

Северный ветер

Россия и айны в Японии XVIII в.

Ответственный за выпуск *Б.Н. Романов*

Художественный редактор *Д.В. Логинов*

Корректор *М.М. Уразова*

Верстка *Л. А. Шелковой*

Издательство «Кругъ»

Тел. 8(962) 934-81-81

E-mail: krugh@yandex.ru

Подписано в печать 10.06.2017. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Гарнитура «Petersburg». Печ. л. 12,25. Формат 84x108¹/₃₂

Отпечатано в цифровой типографии «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1 А
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com